

«*Это ей посвящается. Ей...*»

*Ты женщина, ты муза всех поэтов
Сжигала страны, рушила мосты
Ты женщина и всё ж при всём при этом
Рожала нас и возрождала ты*
Анатолий Дидович

Трудно через толщу прошедшего столетия разглядеть образ девушки, вызвавшей небывалый в русской поэзии поток песнопений. Если судить по фотографиям, красивой ее не назовешь – грубоватое, не очень выразительное, немного скуластое лицо, небольшие сонные глаза. Но когда-то она была полна юного обаяния и свежести – румяная, золотоволосая, чернобровая. В молодости любила одеваться в розовое, потом предпочитала белый мех. Земная, простая девушка. Дочь гениального ученого, жена одного из величайших русских поэтов, единственная настоящая любовь другого...

Мы встречались с тобой на закате.
Ты веслом рассекала залив.
Я любил твоё белое платье,
Утонченность мечты разлюбив.

Были странны безмолвные встречи.
Впереди - на песчаной косе
Загорались вечерние свечи.
Кто-то думал о бледной красе.

Приблизений, сближений, сгораний -
Не приемлет лазурная тишь...
Мы встречались в вечернем тумане,
Где у берега рябь и камыш.

Ни тоски, ни любви, ни обиды,
Всё померкло, прошло, отошло..
Белый стан, голоса панихиды
И твоё золотое весло.

А. Блок

Жди меня
Распечатать
Далекая, родная, —
Жди меня...
Далекая, родная:
Буду — я!..
Твои глаза мне станут —
Две звезды.
Тебе в тумане глянут —
Две звезды.

Мы в дали отстояний —
Поглядим;
И дали отстояний —
Станут: дым.
Меж нами, вспыхнувшими, —
Лепет лет!..
Меж нами, вспыхнувшими, —
Светит свет.

А. Белый

Надежда Яковлевна 19 лет была женой Манделъштама и 40 лет вдовой. Долгие годы она жила, ради того, чтобы сохранить его стихи. Но не на листах, она сохраняла их в памяти, повторяя каждую ночь про себя. Все другие способы сохранить стихи, она считала ненадежными.

Надежда Яковлевна написала "Воспоминания", которые были изданы за рубежом. Благодаря ей, мир узнал о поэте Осипе Мандельштаме.

Образ твой, мучительный и зыбкий,
Я не мог в тумане осязать.
Господи!- сказал я по ошибке,
Сам того не думая сказать.

Божье имя, как большая птица,
Вылетало из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

О. Мандельштам

Ею восхищались, вдохновлялись, в нее влюблялись, ей посвящали стихи и писали проникновенные письма. Это Ольга Николаевна Гильдебрандт-Арбенина, которая до недавнего времени была известна как муза и возлюбленная Гумилёва и Мандельштама, как адресат стихотворных посвящений поэтов серебряного века.

Без преувеличения всю ее жизнь можно назвать подлинным произведением искусства, открывающимся нам в ее стихах и акварелях, в ее дневниковых записях...

Я рассказываю тебе,
Овладев рукою твоей,
О чудесной, как сон, судьбе,
О твоей судьбе и моей.
Вспоминаю, что в прошлом был
Месяц черный, как черный ад,
Мы расстались, и я манил
Лишь стихами тебя назад.
Только вспомнишь — и нет вокруг
Тонких пальм, и фонтан не бьет;
Чтобы ехать дальше на юг,
Нас не ждет большой пароход.
Петербургская злая ночь;
Я один, и перо в руке,
И никто не может помочь

Безысходной моей тоске.
Со стихами грустят листы,
Может быть ты их не прочтешь...
Ах, зачем поверила ты
В человечью, скучную ложь?
Я люблю, бессмертно люблю
Все, что пело в твоих словах,
И скорблю, смертельно скорблю
О твоих губах-лепестках.
Яд любви и позор мечты!
Обессилен, не знаю я —
Что же сон? Жестокая ты
Или нежная и моя?

Н. Гумилёв

Когда ты уходишь, и тело лишится души,
Меня обступает мучительный воздух дремучий,
И я задыхаюсь, как иволга в хвойной глуши,
И мрак раздвигаю губами сухой и дремучий.

Как мог я подумать, что ты возвратишься? Как смел?
Зачем преждевременно я от тебя оторвался?
Еще не рассеялся мрак и петух не пропел,
Еще в древесину горячий топор не вонзался.

Последней звезды безболезненно гаснет укол,
Как серая ласточка, утро в окно постучится,
И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится.

О. Мандельштам

Александр Вертинский, обладая особенным шармом и обаянием, пользовался успехом у женщин. Однако единственной музой стала Лидия Циргвава. Семнадцатилетняя красавица с изумительными зелеными глазами была поклонницей творчества Александра и стала его женой. Судьба этой женщины была полна невзгод и лишений, но жизнь подарила ей любовь, которая редко встречается. Александр Вертинский не устал признаваться жене в пылких чувствах, посвящал ей песни и стихи.

*Жене Лиде
в день девятилетия нашей свадьбы*

Девять лет. Девять птиц-лебедей,
Навсегда улетевших куда-то...
Точно девять больших кораблей.
Исчезающих в дымке заката.

Что ж, поздравлю себя с сединой,
А тебя — с молодыми годами,
С той дорогой, большой и прямой,
Что лежит, как ковер голубой,
Пред тобой. Под твоими ногами.

Я — хозяин и муж и отец.
У меня обязательств немало.
Но сознаюсь тебе наконец:
Если б все начиналось сначала,
Я б опять с тобой стал под венец!

Чтобы ты в белом платье была,
Чтобы церковь огнями сияла,
Чтобы снова душа замерла
И испуганной птицей дрожала,
Улетая с тобой- в купола!

А. Вертинский

В последние годы жизни Бориса Пастернака его страстной любовью была Ольга Ивинская, ставшая прототипом Лары в «Докторе Живаго». Ей было 34, ему – 56. Она – младший редактор журнала «Новый мир», он – известнейший поэт, чья писательская судьба давно определилась. Их встреча в 1946 году изменила жизнь обоих – и к великому счастью, и к великой печали...

Единственные дни

На протяжение многих зим
Я помню дни солнцеворота,
И каждый был неповторим
И повторялся вновь без счета.

И целая их череда
Составилась мало-помалу -
Тех дней единственных, когда
Нам кажется, что время стало.

Я помню их наперечет:
Зима подходит к середине,

Дороги мокнут, с крыш течет
И солнце греется на льдине.

И любящие, как во сне,
Друг к другу тянутся поспешней,
И на деревьях в вышине
Потеют от тепла скворешни.

И полусонным стрелкам лень
Ворочаться на циферблате,
И дольше века длится день,
И не кончается объятье.

Б. Пастернак

Оксана Михайловна Синякова - Асеева была настоящей Музой своему мужу. Николай Николаевич посвятил ей много стихов. В том числе и эти:

Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя – сушь,
Мне и в жару без тебя – стыть.
Мне без тебя и Москва – глушь.
Мне без тебя каждый час – с год,
Если бы время мельчить, дробя;
Мне даже синий небесный свод
Кажется каменным без тебя.
Я ничего не хочу знать -
Слабость друзей, силу врагов;
Я ничего не хочу ждать,
Кроме твоих драгоценных шагов.
Н. Асеев

Роберт Рождественский и Алла Киреева встретились в середине 1950-х. Он - никому не известный поэт, она - начинающий литературный критик. Он быстро стал знаменит. Десятилетия Рождественский оставался кумиром, его стихи и песни на его стихи звучали повсюду. А муза всегда была рядом. Они вместе прошли сквозь время, не расставаясь, как голос и эхо.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждое слово
этого
утреннего стихотворенья
вдруг потянулось к рукам
твоим,
словно
соскучившаяся ветка сирени.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждая строчка,
неожиданно
вырвавшись из размера
и всю строфу
разрывая
в клочья,
отозваться
в сердце твоём сумела.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждая буква
глядела бы на тебя
влюблённо.
И была бы заполнена солнцем,
будто
капля росы
на ладони клёна.
Знаешь,
я хочу, чтоб февральская вьюга
покорно
у ног твоих распласталась.

И хочу,
чтобы мы любили друг друга
столько,
сколько нам жить
осталось.

Р. Рождественский

С первого взгляда на неё он понял: «Только Зоя». Его судьба, его Муза, его счастье, его спасение ... Богуславская и Вознесенский были неразлучны практически полвека.

Аве, Оза. Ночь или жилье,
псы ли воют, слизывая слезы,
слушаю дыхание Твое.
Аве, Оза...

Оробело, как вступают в озеро,
разве знал я, циник и паяц,
что любовь - великая боязнь?
Аве, Оза...

Страшно - как сейчас тебе одной?
Но страшнее - если кто-то возле.
Черт тебя сподобил красотой!
Аве, Оза!

Вы, микробы, люди, паровозы,
умоляю - бережнее с нею.
Дай тебе не ведать потрясений.
Аве, Оза...

Противоположности светло.
Дай возъм всю боль твою и горечь.
У магнита я - печальный полюс,
ты же - светлый. Пусть тебе светло.

Дай тебе не ведать, как грущу.
Я тебя не огорчу собою.
Даже смертью не обеспокою.
даже жизнью не отягощу.

Аве, Оза. Пребывай светла.
Мимолетное непрерывимо.
Не укоряю, что прошла.
Благодарю, что приходила.

Аве, Оза...

А. Вознесенский

Александр Яшин – поэт, которого так безгранично и безнадежно любила удивительная женщина, возвышенная и земная одновременно, — Вероника Тушнова. Поэтесса не стало 7 июля 1965 года. Яшин, потрясённый смертью Тушновой, опубликовал в «Литературной газете» некролог и посвятил ей стихи — своё запоздалое прозрение, исполненное болью потери.

Думалось, всё навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры её беспечной,
Силы её сердечной
Хватит на сотню лет.

Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день — не в счёт,
Из-под земли явится,
С горем любимым справится,
Море переплывёт.

Надо —
Пройдёт по пояс
В звёздном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды,
Через «не могу».

Будет дежурить,

Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом,
Рядом,
Радуюсь, что нужна.

Думалось
Да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.

Так и живу.
Живу?

А. Яшин

Благодаря Марине Влади появилось невероятное множество чувственных и нежных стихов, совершенно не свойственных Высоцкому, каким мы его знаем по его бессмертным песням.

И снизу лед, и сверху, маюсь между.
Пробить ли верх, иль пробуравить низ?
Конечно, всплыть и не терять надежду,
А там за дело, в ожиданьи виз.
Лед надо мною — надломись и тресни!
Я чист и прост, хоть я не от сохи,
Вернусь к тебе, как корабли из песни,
Все помня, даже старые стихи.
Мне меньше полувека, сорок с лишним,
Я жив, двенадцать лет тобой и господом храним.
Мне есть, что спеть, представ перед всевышним,
Мне есть, чем оправдаться перед ним.

В. Высоцкий

Марина Басманова, главная и, может быть, единственная любовь Иосифа Бродского. С Мариной Басмановой будет у него все - и тоска, и любовь, и печаль, и боль - на целых три десятилетия вперед, практически на всю жизнь.

М. Б.

Я был только тем, чего
ты касалась ладонью,
над чем в глухую, воронью
ночь склоняла чело.

Я был лишь тем, что ты
там, снизу, различала:
смутный облик сначала,
много позже - черты.

Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.

Это ты, теребя
штору, в сырую полость
рта вложила мне голос,
окликавший тебя.

И. Бродский

И были зимы, и были весны... И опадала постаревшая листва, и вновь зеленел летний мир... Вне зависимости от дождливых или солнечных дней эти сезоны для Андрея Дементьева зовутся «Анной». Ибо все времена года поэт может назвать именем своей жены. Они вместе уже двадцать лет, и, не считая себя музой, Анна Пугач, несомненно, таковой является для супруга.

Анна

Прости, что я в тебя влюблен
Уже под занавес, в финал...
Всю жизнь блуждая меж имен,
Я на твое их поменял.
Я выбрал имя неспроста —
Оно из Пушкинских времен,
Из грустной музыки, с холста
И с чудодейственных икон...
Но полон тайн открытый звук...
Хочу понять — что он таит?
То ли предчувствие разлук,
То ль эхо будущих обид.
И, чтоб развеять этот страх,
Я повторяю имя вслух...
И слышу свет в твоих глазах
Так, что захватывает дух.

А. Дементьев

Отдел обслуживания
художественной литературой
(УНИЦ КНИТУ, Б-224)